

1987, 3 сент

— Когда после ухода Ю. Мильтиниса мне предложили возглавить Паневежский театр, я очень взволновался, — сказал Д. Банионис, — ведь я актер, режиссура — не моя специальность. Но ситуация в театре в то время сложилась трудная, и кто-то должен был взять на себя ответственность за судьбу коллектива. Меня обнадеживало то, что я работал с прекрасными режиссерами, как актер сразу же чувствую фальшь, считаю себя человеком в театральном деле компетентным. Но я понимал также, что совершить открытия в области режиссуры вряд ли смогу.

С тех пор прошло семь лет. Как я мог бы охарактеризовать положение Паневежского театра сегодня? Внешне и сейчас все у нас выглядит нормально: выпускаем спектакли на профессиональном уровне. Но, конечно, наших двух режиссеров при всем моем уважении и доброжелательном отношении к молодым сравнить с Мильтинисом не могу. Может быть, и не надо сравнивать? Тем более что глубоко убежден, что само время работает

Паневежис... Еще не так давно, услышав название этого маленького литовского городка, мы прежде всего вспоминали о его театре, о замечательных спектаклях, которые стремились посмотреть не только местные жители, но и все, кто приезжал в Паневежис из разных городов страны. Почти четыре десятилетия театр возглавлял известный режиссер, народный артист СССР Юозас Мильтинис, которому исполняется 80 лет.

Как живет и работает коллектив сегодня? Что мешает ему одерживать такие же творческие победы, какие были прежде? Вернется ли к нему былая слава? Как осуществляется перестройка его работы в духе времени? На эти и другие вопросы от имени наших читателей, обращающихся в редакцию, мы попросили ответить директора — художественного руководителя театра, народного артиста СССР Донатаса Баниониса.

нечно же, нам необходим талантливый лидер, который способствовал бы возвращению былой славы Паневежского театра. Я принципиально разделяю эстетическую позицию Н. Крымовой, когда она пишет о «Гамлете» в Московском театре имени Ленинского комсомола. Сегодня надо отстаивать свои жизненные принципы.

— В чем сегодня вы видите предназначение театрального искусства?

— Все в том же, в чем оно заключалось на протяжении веков. Софокл, Шекспир, Мольер, Чехов сходились на том, что человек несовершенен, и театр должен помочь ему совершенствоваться, чтобы улучшить нравственную атмосферу в обществе. Это же требование актуально и сегодня.

— Как вы считаете, отвечает ли современная драматургия требованиям времени?

— На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Конечно, есть отличные драматур-

Донатас Банионис, народный артист СССР:

ВЕРНЕТСЯ ЛИ БЫЛАЯ СЛАВА?

на молодых, и если они будут взыскательны к себе и другим, проявлять высокую принципиальность, активную жизненную позицию, то несомненно достигнут успехов. Но... ярких постановок пока нет.

— Каким вам видится режиссер-лидер, способный на революционные преобразования в театре? Ведь одного профессионализма — качества, без которого, конечно, обойтись невозможно, все-таки крайне недостаточно. Проблема лидера сейчас очень остра в современном театральном процессе...

— Лидер — это человек, обладающий прежде всего способностью мыслить по-новому — современно и широко, вести за собой коллектив, увлекать его своими творческими идеями и сценическими открытиями. Вот таким-то руководителем и был для нашего театра Ю. Мильтинис.

Он был не только режиссером, способным на смелые открытия, но и формировал нашу жизнь, наш быт. Вел нас всех за собой мощью своего таланта, своими убеждениями. Принимали его слова как истину беспрекословно. «Мильтинис сказал!» — значит, правда... На нас как бы действовала его гипнотическая сила. Мы верили, что создадим замечательные спектакли. Жили неразлучно. Такими были первые годы.

...Сейчас мы стараемся, хотя это дается нелегко, сбросить традиции Юозаса Мильтиниса. Он для нас по-прежнему пример, которому мы следуем, личность, которая вела нас за собой — иногда спорно, но и с настоящими открытиями. Работая с таким руководителем, мы знали, что победим.

Правда, новое тоже было принято тогда не сразу. Спектакли, поставленные Мильтинисом, такие, как «Гедда Габлер», «Смерть коммивояжера», «Макбет», «Иванов», отнюдь не сразу были приняты зрителем. Однако Ю. Мильтинис был уверен в своей режиссерской правоте, он не считал нужным «заигрывать» со зрителем, опускаясь до уровня нетребовательных вкусов, не снижал высоких критериев оценки и победил!

Сейчас уже не идут поставленные им спектакли. Но они создали имя театру. В городе так и говорят — наш Паневежский театр! Проблемы пустых залов и по сей день для нашего театра не существует.

— Недавно в Вильнюсе вышла на русском языке книга Томаса Сакалаускаса «Монологи» — о жизни и творчестве Юозаса Мильтиниса. Автор книги среди многочисленных монологов своего героя приводит и такие, в которых Мильтинис определял сущность театра, предназначение актера. Они звучат и сегодня очень современно. Меня как читателя взволновали такие, к примеру, мысли: «Актер не может опираться на титулы, звания, степени. Не может кичиться стажем и в будущем видеть себя в ореоле славы... Движение — это жизнь, покой — это смерть. К тем, кто способен на движение, театр относится взыскательно, но по-доброму. К другим, окаменевшим, омертвевшим, театр взыскателен, но суров».

— Да, да, это замечательные слова! Мы стараемся всегда их помнить и следовать им. Как будто сегодня сказано, не правда ли? Я сыграл много ролей, не все, конечно, были одинаковыми, но прекрасно понимаю, что жить большими успехами нельзя, они как старые афиши, которые сдираются за давностью. Человек творческий подобен огненному шару. В искусстве нет специальности. Надо быть творцом, а не мастером.

И Мильтинис был именно творцом. Его лучшие постановки не уступают тем, что приходилось видеть на сценах мира. Мильтинис брал пьесы самых сильных драматургов и как бы проецировал их на сегодняшний день.

— Но ведь нынешние режиссеры тоже стремятся к этому...

— Да, конечно, но главная их беда, на мой взгляд, заключается в том, что, даже если они берут те же самые пьесы, глубинный смысл произведения остается нераскрытым. На сцене шум, дымы, а лица артистов и не разглядишь сквозь эту завесу. Таким режиссерам актеры просто не нужны.

— Что ж, будем ждать появления новых имен. А что вы, Донатас Юозович, как художественный руководитель делаете для того, чтобы привлечь талантливую молодежь в режиссуру?

— Ищу, предлагаю, но ненавижу «гастролеров», которые поставят спектакль и уедут, бросят свое «детище», словно подкидыша. В общем, я — за режиссерский театр, за то, чтобы его возглавляла крупная личность, человек, который умел бы работать с актерами, ибо только в руках талантливого режиссера расцветают актерские таланты. Для актера очень важно, как его «видит» режиссер. От этого многое зависит. Вот мне иногда казалось, что порученная мне роль как бы «не моя». Я бы себе ее как режиссер не предложил. Но затем приходилось убеждать в том, что, к счастью, я ошибался! Лучшие мои работы были именно эти. Я никак, например, не мог понять, зачем Мильтинис поручил мне в спектакле «На улице, перед дверью» В. Борхерта роль Бекмана, я считал, что он ошибся. Но затем, правда не сразу, с радостью убедился, что я не прав. Так было и в «Гедде Габлер». Полагал, что Тесман — абсолютно не моя роль — «профессор», педант, мелкий человек. Казалось бы, это совершенно не по мне, ведь я играл тогда Павлу Корчагина, Давыдова, а Мильтинис меня увидел именно в этой роли.

Случалось так и в кино, у хорошего режиссера. Ищешь, мучаешься, тебе кажется, что ничего не получается, а потом оказывается, что это твоя лучшая работа. А бывает и наоборот: кажется, будто это именно твоя роль, но ты лишь повторяешь себя. Если у режиссера нет в душе какого-то открытия, то и у актера нет движения образа. Актер без своего режиссера пропадает.

— В чем вам видится будущее Паневежского театра?

— Прежде всего — в развитии творческого контакта между режиссурой и труппой, и, ко-

ги — и представители старшего поколения, и так называемая «новая волна», и более молодые. Например, А. Дударев, который, будучи актером, прекрасно знает законы сцены, а это очень важно. Могу назвать В. Дозорцева, А. Галина и некоторых других. Но крутого поворота драматургов к сегодняшнему дню пока, к сожалению, не вижу. Я понимаю, чтобы создать хорошую пьесу, необходимо какое-то время, жизнь вокруг закипела, драматургу необходимо хорошо ее осмыслить, прежде чем сесть за стол и написать: «Действие происходит в наши дни». Проза, публицистика доказали, что все эти годы прозаики вовсе не «дремали», а создавали волнующие произведения. Мы все сейчас их с упоением читаем, буквально вырывая друг у друга из рук литературные журналы. И не только в Москве, но и у нас, в республике. Надеюсь, что и пьесы вскоре появятся такие, что вызовут волнение и у театров, и у зрителей. Конечно, есть режиссеры-импровизаторы, например, Э. Некрошюс. Он берет тему пьесы и создает на сцене нечто свое, что виделось его режиссерскому воображению. Но это исключительный талант. Недаром сейчас работы Э. Некрошюса выдвинуты на соискание Государственной премии СССР. Мы же в своей повседневной практике должны исходить из драматургического произведения. Вот почему я столь активно ратую за постоянный творческий контакт между главными фигурами в театре. Хочу быть правильно понятым: я далек от мысли сваливать вину на драматургов: дескать, это они виноваты в том, что нет столь ярких побед в Паневежском театре, как прежде. Но все-таки, появившись такие пьесы, которые талантливо, честно, правдиво отражали бы сегодняшний день, думаю, что «температура» в театре значительно повысилась бы. Хотя в принципе, по моему мнению, успех зависит от таланта режиссера.

— Помогает ли вам в работе театральный эксперимент, который проводится сейчас в нашей стране? В чем вы видите его суть?

— Прежде всего, конечно, в необходимости нового мышления. Полагаю, что переход к нему будет совсем не простым: ведь мы столько лет жили по-старому, что наше мышление во многом застывало, стало привычным, традиционным. Сразу по-другому не получится, хотя все мы к этому стремимся. И лучше, я думаю, признать в этом честно, чем заниматься демагогией, как делают сейчас некоторые люди. И не только деятели театра. Просто надо почувствовать в себе полную невозможность жить по привычному канонам, а без этого нет и не будет движения вперед.

Вы затронули вопрос об эксперименте. Нет необходимости доказывать сегодня его целесообразность. Но это очень многогранное явление, охватывающее все стороны театрального процесса. Из него каждый коллектив имеет возможность выбрать оптимальные, наиболее приемлемые именно для него варианты. Казалось бы, хозяйственные, финансовые аспекты эксперимента совершенно понятны. Но и здесь еще столько невыясненных вопросов, нерешенных проблем, сдерживающих инструкций!

Но то, что такой эксперимент стал возможным, — это очень хорошо! Все мы приветствуем такие жизненные принципы, как демократия, гласность. На практике же еще немало издержек — в театральной среде особенно: конфликты, группировки, взаимные обиды и т. д. Хотелось бы, чтобы в наш коллектив Паневежского театра эта «бацилла раздора» не проникла. Но это уже зависит от нас самих.

Вела беседу
Валентина ЖЕГИС.

Фото Н. Самойлова.